

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ

ТЕОРИЯ
И
ПРАКТИКА

НАУКА

А. Ямсков

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

**ЭТНИЧЕСКАЯ
ЭКОЛОГИЯ:
ТЕОРИЯ
И ПРАКТИКА**

МОСКВА
"НАУКА"
1991

Авторы:

Б.В. Андрианов, А.А. Воронов, Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова,
В.И. Козлов, О.Д. Комарова, Т.В. Красникова, В.В. Лебедев,
Н.М. Лебедева, Е.А. Оборотова, А.П. Павленко, В.В. Степанов,
Л.А. Файнберг, К.В. Цеханская, А.Н. Ямсков

Редакционная коллегия:

Н.А. Дубова, В.И. Козлов (ответственный редактор), А.Н. Ямсков

Рецензенты

доктор исторических наук В.П. Кобычев,
доктор биологических наук О.М. Павловский,
кандидат исторических наук С.С. Савоскул

Э 91 Этническая экология: теория и практика. -М.: "Наука", 1991 г.-
374 с. ISBN 5-02-010040-4

Книга посвящена этнокультурным аспектам экологии человека. В ней рассматриваются такие вопросы, как система жизнеобеспечения, демографические, биологические и психологические аспекты этноэкологии.

Для этнографов, биологов, историков и всех тех, кто интересуется проблемами экологии этнических групп.

Научное издание

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии им.Н.Н.Миклухо-Маклая

Редактор В.П. Терехов
Художник Е.М. Османов
Художественный редактор И.Д. Богачев
Технический редактор Т.В. Фараонова

ИБ № 47473

Подписано к печати 25.06.91
Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл.печ.л. 23,5. Усл.кр.-отт. 23,8. Уч.-изд.л. 19,5.
Тираж 850 экз. Тип.зак. 1376. Цена 7р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография
издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

Э 0505000000-206- II 3-91, II полугодие
042(02)-91

ББК 63.5

ISBN 5-02-010040-4

©Издательство "Наука", 1991

СОДЕРЖАНИЕ

В в е д е н и е (В.И. Козлов)	3 ✓
Часть I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ	
К о з л о в В. И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты	14 ✓
К о м а р о в а О. Д. Демографические аспекты этнической экологии	44 ✓
Д у б о в а Н. А. Биологические аспекты этнической экологии	77 ✓
Л е б е д е в а Н. М. Психологические аспекты этнической экологии	100 ✓
В о р о н о в А. А. Традиционная медицинская культура и этническая экология	125
Г а н ж а А. Г. Инновации в системе "этнос-окружающая среда"	140 ✓
А н д р и а н о в Б. В. Закономерности географической среды и хозяйственно-культурная дифференциация народов мира	149 ✓
Часть II. ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУР НАРОДОВ СССР И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	
Г р и г у л е в и ч Н. И. Стабильность локального пищевого комплекса как результат успешной адаптации переселенцев	174
П а в л е н к о А. П., С т е п а н о в В. В. Родственные браки, традиционная планировка и экология азербайджанского села	204
К р а с н и к о в а Т. В. Некоторые этнокультурные особенности использования флоры Абхазии	228
Ч е с н о в Я. В. Ценность жизни и экофильные ориентации в традиционной абхазской культуре	244
Л е б е д е в В. В., О б о р о т о в а Е. А. К вопросу об экологическом гомеостазе в традиционных обществах Арктики и Субарктики	270 ✓
Я м с к о в А. Н. Традиционное скотоводство и природная среда: культурно-экологические аспекты взаимодействия	287
К у л ь п и н Э. С. Природный фактор в становлении китайской цивилизации	304
Ф а й н б е р г Л. А. Современные проблемы этнической экологии Американского Севера	325 ✓
Ц е х а н с к а я К. В. Народная медицина у североамериканских индейцев	353
Resume	373

А. Н. Я м с к о в

ТРАДИЦИОННОЕ СКОТОВОДСТВО И ПРИРОДНАЯ СРЕДА:
КУЛЬТУРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В последние десятилетия повсеместно резко обострились экологические проблемы, что привлекло к ним пристальное внимание ученых, общественности и политиков. В странах "третьего мира" наибольшее значение приобрела проблема деградации земельных ресурсов в связи со все более усиливающимся деструктивным воздействием на ландшафты хозяйственной деятельности, которая чаще всего ведется традиционными или близкими к ним методами. Особенно тяжелое положение (как для населения, так и для природной среды) сложилось в отличающихся естественной хрупкостью экосистемах засушливых регионов, где исторически основу хозяйства составляют различные типы номадного и подвижного скотоводства (1).

Процессы, происходящие в пастбищных ландшафтах в результате их антропогенного опустынивания или в более увлажненных горных районах — уничтожения древесной и большей части травянистой растительности, уже достаточно основательно изучены экологами, географами и ботаниками (2). Но значительно меньше, особенно специалистам естественнонаучного профиля, известны коренящиеся в традиционных скотоводческих культурах причины и побудительные мотивы к ведению хозяйства столь разрушительным для природной среды способом. Именно эта сторона проблемы в силу ее практической и методологической важности будет рассмотрена в данной статье.

Предваряя эколого-культурологический анализ традиционного природопользования скотоводческих народов, остановимся вкратце на экологических аспектах пастбы домашних животных. Пастбищные экосистемы возникли и существовали благодаря регулярному выпасу копытных животных (домашних либо диких) и потому в случае его прекращения испытывают серьезные изменения видового состава растительности. В частности, продуктивность среднеазиатских зимних пустынь

ных пастбищ всего за 4–5 лет полного "отдыха" снижается в среднем на 20% (3).

Умеренный выпас, при котором уничтожение растительности скотом примерно соответствует приросту биомассы трав и при этом не затрудняет их рост и развитие, способствует наибольшей продуктивности и устойчивости пастбищных экосистем – луговых, степных и полупустынно-пустынных. Это объясняется тем, что пастьба скота искусственно поддерживает экосистему на ранних ("молодых") стадиях ее развития, характеризующихся сравнительно меньшим общим объемом биомассы при ее наибольшем ежегодном приросте. При отсутствии же регулярного выпаса пастбищные экосистемы довольно быстро (в течение несколько лет или десятилетий) проходят эти ранние этапы развития и после ряда сукцессий (последовательных изменений видового состава растительности) достигают стадии относительной стабильности ("зрелости"). В последнем случае экосистема характеризуется уже максимально возможным (в данных природных условиях) общим объемом биомассы при значительно меньших ее ежегодных приростах (4).

Однако ныне почти повсеместной проблемой является не отсутствие, а избыточность выпасаемого на пастбищах скота. Это означает, что домашние животные для своего питания нуждаются в объеме растительной биомассы, превышающем ее прирост на данной территории за сезон пастьбы. Положение обычно обостряется в годы, когда рост трав сильно затруднен засухой; в условиях резко сниженного прироста биомассы кормовых растений поголовье скота может оказаться чрезмерным для пастбищной территории, а растительность на ней в значительной мере уничтоженной. Продолжение выпаса становится затруднительным, и животным уже явно не хватает кормов. Но домашние животные в отличие от диких копытных не могут покинуть данный участок, ибо выбор конкретных пастбищных угодий и длительность содержания на них скота регулируются человеком, т. е. predetermined прежде всего социальными факторами – владением либо традиционной закрепленностью этих участков

за отдельными хозяйственными коллективами. Таким образом, возникает явление "перевыпаса" (выпаса поголовья скота, превышающего естественную емкость пастбища), приводящее к превышению "порога устойчивости" пастбищной экосистемы и деградации этого угодья.

Сам механизм воздействия домашних животных на ландшафт сводится к следующему. Существенное значение имеет нарушение биологического круговорота веществ, поскольку вместе с продукцией скотоводства из экосистемы безвозвратно изымаются аккумулированные в мясе и молоке микроэлементы и элементы минерального питания (5). Особенно велики эти нарушения при использовании кизяка в качестве топлива или при ночном содержании животных на пастбищах в постоянных загонах, где накапливается навоз. Наиболее важным, однако, является прямое влияние выпаса на растительный покров. Часть его уничтожается при поедании скотом, но в 3 раза больший урон причиняет вытаптывание (6).

При перевыпасе, когда возобновление поедаемых скотом растений прекращается, происходит смена видового состава вследствие резкого увеличения доли несъедобных видов в травостое. Появление лишенных растительности участков вызывает интенсивную водную эрозию или дефляцию; без растительного покрова почва к тому же быстро иссушается за счет усиленного испарения. Кроме того, под непосредственным механическим воздействием копыт пасущихся животных тяжелые почвы (глинистые и суглинистые) сильно уплотняются и их влагоемкость понижается, а легкие почвы (супеси и пески), напротив, разрыхляются. Первое способствует дальнейшей активизации водной эрозии, второе усиливает дефляцию. В засушливых областях уплотнение почв увеличивает также испарение почвенной влаги и грунтовых вод, что приводит к засолению пастбищ.

Таким образом, именно некомпенсируемое приростом изъятие биомассы, существенно меняющее растительный покров, является своего рода "спусковым крючком" процессов деградации пастбищ. Обусловленное этим многократное усиление эрозии и дефляции прежде всего означает вынос из

ландшафта плодородной почвы, т. е. общее падение биологической продуктивности территории. Ухудшающиеся условия существования растительности еще более снижают емкость пастбища и соответственно усугубляют выраженность перевыпаса. На определенном этапе прогрессирующее развитие эрозии или дефляции приводит к практически необратимым результатам. Тогда даже при условии полного прекращения выпаса скота для восстановления первоначальной растительности требуются уже не годы или десятилетия (как при обычных сукцессионных процессах), а многие века, ибо становится необходимым формирование нового почвенного покрова.

Случаи нерационального природопользования и соответствующих негативных изменений природной среды, в том числе из-за развития скотоводства, не раз имели место на протяжении истории человечества. Поэтому особую остроту приобретает вопрос о причинах, порождающих это явление. Признано, что исходными и предпосылочными функциями культуры каждого этноса являются адаптивные, обеспечивающие эффективное приспособление к природным условиям и их использование прежде всего в хозяйственной деятельности. Но столь же хорошо известно, что практически в любой культуре имеются также нейтральные или даже нерациональные с точки зрения их влияния на природную среду черты или приемы природопользования (7).

Сама по себе констатация наличия нейтральных либо нерациональных приемов природопользования в традиционных культурах еще не дает ответа на вопрос, почему такие этнокультурные черты вообще сформировались. Существуют разные объяснения этого феномена. Так, появление подобных черт в культурах этносов, находящихся на стадии присваивающего хозяйства, может выражать собой несовпадения или противоречия между объективно существующими, реальными условиями географической среды и их субъективным отражением в воспринимаемом людьми образе природных условий (8). Иными словами, именно своего рода "зазор" или разрыв между "действительной" и "познанной" картинами мира за-

полняется несущими нейтральными либо негативными (с точки зрения природопользования) функции элементами традиционной культуры.

Однако установлено, что находящиеся на стадии производящего хозяйства народы в целом хорошо понимают причины и возможные пути устранения негативных антропогенных изменений природной среды (9). В этом плане не составляет исключения и оценка кочевниками и полукочевниками Старого Света, пастушескими народами горных регионов Евразии и скотоводческими племенами Черной Африки феномена "перевыпаса", который особенно обостряется в худшие по погодным условиям годы (10).

Нельзя не признать, однако, что в традиционном хозяйстве нет механизма, предотвращающего это явление. Так, в хозяйственно-культурных типах с ведущей ролью скотоводства весьма значительную или даже большую часть поголовья скота обычно составляют животные средних по достатку семей, а их обеспеченность домашним скотом чаще всего близко соответствует насущным потребностям в продуктах скотоводства. Поэтому необходимое в неблагоприятный год для устранения перевыпаса резкое сокращение поголовья могло бы привести к лишению населения существенной либо даже основной части продуктов скотоводства, предназначенных для питания или обмена. Причем эти последствия ощущались бы не только в неудачный и требующий подобной меры год, но и в течение ряда последующих благополучных лет, пока полностью не восстановится требуемое количество скота.

Однако должны быть и еще какие-то скрытые в традиционных культурах причины, обуславливающие проявление нерациональных приемов природопользования и в благоприятные для хозяйственной деятельности годы. Так, если отмеченный выше фактор, мешающий предотвращению перевыпаса в неблагоприятные годы, достаточно понятен, то значительно сложнее определить повод, порождающий стремление скотоводов к усиленному росту поголовья и, как следствие, появление перевыпаса даже в неплохие по погодным условиям годы.

Примеров последнего, однако, немало. К тому же достаточно часто отмечались случаи, когда скотоводы увеличивали поголовье до таких размеров, что часть продукции им была просто не нужна и потому фактически не использовалась. Но несмотря на отчетливые и осознаваемые людьми проявления перевыпаса, ведущее традиционное хозяйство население тем не менее не стремилось снизить размеры стада за счет убоя либо продажи этих "лишних" животных. Данное явление известно в иностранной научной литературе как "экономическая иррациональность традиционного скотоводства": Благодаря ему, как ныне считают многие зарубежные экологи, географы и биологи, скотоводы развивающихся стран неминуемо разрушают природную среду, вызывая развитие антропогенного опустынивания (11).

В прошлом, особенно среди специалистов естественного профиля, довольно широкое распространение получило тривиальное объяснение наличия указанного "излишнего" поголовья как следствия связанных со скотом престижных или религиозно-мистических представлений, господствующих в традиционных культурах скотоводческих народов (12). Однако эти реально существующие представления, видимо, не являются первопричиной стремления скотоводов к максимальному увеличению стада, скорее они лишь отражают и идеологически закрепляют необходимость подобных действий. В зарубежной литературе помимо этой "престижно-религиозной" анализируется еще целый ряд причин, которые побуждают скотоводов доводить поголовье до размеров, превышающих текущие потребности в продуктах скотоводства и емкость используемых пастбищ (13). Видимо, можно согласиться, что все они вполне вероятны и в отдельных случаях ведущее значение может приобретать почти любая.

Однако весь этот комплекс мотивов, верований и представлений в определенной своей части является вторичным, базирующимся на одной действительно ведущей причине, которая реализуется на всем протяжении истории традиционного кочевнического и подвижного скотоводства, от их возникновения и до последних этапов перерождения в фермерское

товарное животноводство. Данная причина является в сущности культурно-экологической, поскольку обеспечивает сохранение традиционного хозяйственного уклада в меняющихся год от года условиях природной среды.

Этот парадоксальный на первый взгляд вывод основан на следующих заключениях. Многочисленные исследования американских эколого-антропологов показали, что в механизмах культурной адаптации чаще всего отражается не некое "среднее многолетнее" состояние природной среды, а наиболее тяжелые ситуации, неоднократно возникающие на протяжении жизни одного поколения. Последнее в полной мере относится и к экологическому поведению скотоводческих народов (14).

Как известно, в особо неблагоприятные годы возможны массовые падежи скота от бескормицы; в тропиках они обычно случаются непосредственно во время засух, а в умеренном и субтропическом поясах — чаще зимой, следующей за особо засушливым летом (15). При этом в одной местности доля погибших животных у хозяев как крупных, так и небольших стад бывает примерно одинаковой. Но владелец очень большого стада, потеряв, допустим, половину скота, все же может продолжать вести традиционное хозяйство, поскольку и уцелевшего поголовья достаточно для снабжения его семьи продуктами питания хотя бы на минимальном прожиточном уровне. В последующие благоприятные годы размеры стада могут быть вновь значительно увеличены, с тем чтобы повысить жизненный уровень и гарантировать устойчивость хозяйства, учитывая возможные крупные потери и в будущем. Однако семья, у которой количество домашних животных не превышало существенно прожиточный уровень, в случае потери половины стада попадает в критическое положение. Не имея более возможности вести самостоятельное скотоводческое хозяйство, ее члены вынуждены работать на соседей-богачей либо переключиться на преимущественно земледельческое хозяйство, или же вообще жить за счет подаваний (16). К тому же чем меньше животных выжило, тем

отдаленнее перспектива восстановления необходимого для жизнеобеспечения пострадавшей семьи поголовья скота.

Факты, доказывающие периодичность массовых падежей скота при кочевом или полукочевом скотоводстве и обусловленное этим стремление скотоводов к максимальному увеличению поголовья скота несмотря на серьезную перегрузку пастбищ, весьма многочисленны. Зарубежная эколого-антропологическая литература изобилует подобными сюжетами из жизни современных скотоводческих групп населения Африки и Азии. Но и в отечественных работах, например, по скотоводству народов Кавказа в конце XIX-начале XX в., встречаются очень яркие примеры такого рода.

В частности, стремление к наибольшей численности скота было зафиксировано у полукочевых и кочевых групп азербайджанцев (17). Используя ими Агманганские (Малый Кавказ) высокогорные летние пастбища в самом конце XIX в. представляли, со слов очевидца-ботаника, такую картину: "Уже в конце июня, следовательно, когда разгар цветения еще не наступал, я видел здесь огромные просторства, растительный покров которых был буквально выстиран до корня острым зубом коз и овец" (18). На основании многих подобных фактов у дореволюционных исследователей сложилось мнение, что "в большинстве случаев они (кавказские скотоводы - А. Я.) бывают глухи ко всем соображениям о тесноте пастбищ и, выгоняя скота более, чем может поместиться на пастбищах, обрекают скотину на некоторое голодание, а пастбища - на быстрое ухудшение" (19). Высказывалось даже такое ошибочное положение, что будто бы "кавказские горцы, по-видимому, не дошли до того, чтобы определять число животных, которое можно выпускать на пастбища без вреда для последних" (20).

Несмотря на не всегда верную интерпретацию породивших его причин, сам факт почти повсеместной перегрузки пастбищ на Кавказе в конце XIX-начале XX в. был установлен достаточно точно. Но в то время характерной чертой кавказского скотоводства, ведшегося исключительно традиционными методами, были повторяющиеся массовые падежи

скота от бескормицы (21). Так, зимой 1883/84 г. западные группы кочевых и полукочевых азербайджанцев потеряли на Караязских кишлаках 120 тыс. овец, т. е. намного более половины поголовья, ибо даже на следующий год после летнего сезона размножения они вернулись на эти зимние пастбища всего со 182 тыс. голов овец (22). Азербайджанские кочевники-шахсены на зимних пастбищах Муганской степи в сезон 1871/72 г. лишились более 70% овец и около 50% поголовья других животных (23), а зимой 1948/49 г. у них пало от 80 до 90% скота (24). В зимы 1873/74 и 1883/84 гг. были также отмечены массовые падежи скота у восточногрузинских скотоводов (тушин, пшавов и др.) на пастбищах Тифлисской губернии (25). В степях Северного Кавказа кочевники-ногайцы из-за буранов в зимы 1888/89 и 1893/94 гг. каждый раз лишались примерно половины всего поголовья (26).

Нестабильность поголовья и периодические падежи скота из-за бескормицы косвенно подтверждаются еще и тем, что в качестве противовеса этим неблагоприятным и относительно частым явлениям скотоводы Кавказа выработали специальный социальный институт - безвозмездную передачу дальними родственниками и соседями скота разорившейся семье (27). В Азербайджане и Армении этот обычай был известен под названием "тамазлук", у осетин и грузин Юго-Осетии - "очхари"; бытовал он и среди карачаевцев (28). Кстати, то же самое практиковали и кочевые скотоводы Ближнего и Среднего Востока (29). Еще большую роль в стабилизации системы жизнеобеспечения скотоводческих народов играли различные формы временной передачи обедневшим родственникам и соседям скота на выпас с правом потребления молочных продуктов и присвоения части приплода.

Таким образом, именно необходимость сохранения традиционного хозяйства и образа жизни при повторяющихся неизбежных массовых потерях скота вызвала закрепившееся в виде различных верований и представлений стремление скотоводов к увеличению поголовья сверх необходимого для удовлетворения потребностей в продуктах питания и объек-

тах обмена. Иными словами, эта "экономическая иррациональность" имеет веские культурно-экологически обусловленные причины, что убедительно доказали Г.Ашманн и Д.Кэмпбелл (30).

Однако подобная стратегия, страхуя от полного разрушения хозяйства при катастрофических изменениях природных условий, одновременно вызывает нерациональную перегрузку пастбищ в значительно более частые относительно неблагоприятные по погодным условиям годы. В ряде случаев она, вероятно, и в прошлом могла приводить к существенным негативным последствиям, подрывавшим пастбищную базу скотоводства. В последние же десятилетия, когда при быстром росте населения и поголовья скота практически прекратились столкновения из-за земельных угодий и насильственное перераспределение территорий, данная социокультурная установка приводит к деградации пастбищ на обширных пространствах Африки и Азии.

Видимо, нельзя поэтому однозначно охарактеризовать культурную адаптацию скотоводов как исключительно рациональную и успешную либо, напротив, как внутренне противоречивую и постоянно несущую в себе вероятность экологического кризиса. Выводы подобного рода могут быть оправданы лишь по отношению к конкретным хозяйственным коллективам скотоводов, рассматриваемым на протяжении определенного и достаточно длительного периода времени. В прошлом, когда действие этой установки на создание страхового избыточного поголовья отчасти компенсировалось частыми угонами домашних животных враждебными группами и вооруженными столкновениями с ними из-за пастбищ, ее разрушительные для природной среды последствия проявлялись в значительно меньшей мере.

К сожалению, современное тревожное и все более ухудшающееся состояние пастбищ и вообще природной среды в регионах распространения традиционных типов скотоводства объясняется уже не только действием указанного стремления скотоводов к созданию своего рода "резервного" поголовья. Данная установка, закреплённая в соционормативной и гума-

нитарной сферах традиционных культур скотоводческих народов, в настоящее время во многих местах уже начинает заметно ослабевать в связи с общей трансформацией образа жизни этих народов, возрастающей ролью в их жизнеобеспечении покупных продуктов питания и распространением практики эпизодической работы по найму. При этом, однако, никаких тенденций к сокращению поголовья скота обычно не наблюдается, так что явления перевыпаса не только не исчезают, но в ряде случаев еще более усугубляются. Подобное положение объясняется тем, что в последнее время проявилась еще одна, но опять-таки в значительной степени коренящаяся в традиционных культурах скотоводческих народов причина нерационального использования ими пастбищных угодий.

Дело в том, что традиционный хозяйственный уклад, основанный на почти полном самообеспечении средствами существования либо предусматривавший натуральный товарообмен с соседними земледельческими народами, у большинства современных скотоводов Африки и Азии (равно как и на Кавказе с конца XIX в.) претерпел существенные изменения. Они оказались втянутыми в товарно-капиталистические отношения и все более активно поставляют продукты скотоводства на местные рынки. Таким образом, их зависимость от домашних животных не уменьшилась, ибо скот дает уже не только основную часть продуктов питания, но и денежных средств. Вместе с тем приемы природопользования и прежде всего общинный характер владения пастбищными угодьями при сохранении традиционных способов составления стад, выбора маршрутов перегона скота и пастбы домашних животных остались практически неизменными. Именно это противоречивое сочетание в жизни современных скотоводов давних традиций природопользования с совершенно новыми для них задачами хозяйственной деятельности (производство продукции скотоводства на продажу) и породило феномен, наиболее известный в зарубежной литературе под названием "трагедии общих ресурсов" (*tragedy of the commons*). Как раз в нем большинство современных специалистов видит еще одну и,

пожалуй, ныне самую важную причину хищнического использования и прогрессирующей деградации пастбищных ландшафтов в развивающихся странах (31).

На территориях, где в полной мере проявляет себя "трагедия общих ресурсов", люди фактически преследуют те же цели — получить возможно больше продукции скотоводства и как можно скорее, и достигают их ценой разрушения пастбищ. Биолог Г. Хардин (32) обосновал данную гипотезу в более общем плане, т.е. как своего рода теоретическое объяснение, приложимое к таким не имеющим внутренних ограничителей и неминуемо ведущим к катастрофе процессам, как рост населения, загрязнение окружающей среды и т.п.

Классическим проявлением механизма действия таких процессов Хардин считает традиционное скотоводство; именно на его примере он предпочел раскрыть "трагедию общих ресурсов". Суть ее выражается в следующем. Если какие-либо ресурсы (например, пастбище) находятся в совместном владении или пользовании группы людей (община скотоводов), то каждый член данной группы прямо заинтересован в максимально возможном увеличении эксплуатации этих ресурсов (рост численности его скота, выпасаемого на общинном пастбище), поскольку прибыль (прибавление общей продукции скотоводства по мере укрупнения его стада) достается лично ему одному. Ущерб же, наносимый при этом общинным ресурсам (истощение пастбища) и сопутствующее усложнение их дальнейшего использования (падение продуктивности каждого животного по мере обострения нехватки кормов из-за роста общего количества скота на данном пастбище), напротив, в равной степени затрагивают всех. Притом это происходит совершенно независимо от того, насколько активно каждый из членов данной группы эксплуатирует общинные ресурсы и какой ущерб причиняет им лично он сам. (Снижение продуктивности и ухудшение состояния животных от недостатка кормов одинаковы у малоскотных хозяев и у владельцев крупных стад.) Таким образом, общинное владение в действительности провоцирует хищническое отношение к природным ресурсам и потому неминуемо наступает момент

их окончательного истощения. Соответственно это означает катастрофу для базирующейся на использовании данных ресурсов общины. В нашем примере это опустынивание пастбища, массовый падеж скота, голод и разорение скотоводов.

Несмотря на убедительность доводов Г. Хардина, как раз в случае их применения к анализу традиционного скотоводства необходимо соблюдать большую осторожность. Во-первых, индивидуальные владельцы домашних животных могут увеличивать материальные доходы при постоянном приросте поголовья (а потому и должны быть заинтересованы в таком неограниченном приросте) лишь в случае регулярной реализации излишней продукции на рынке. Но подобное положение складывается только при перерождении традиционного скотоводства в товарное, что происходит за сравнительно небольшой отрезок времени. Во-вторых, в этот переходный период еще сказывается затухающее влияние закрепленного в традиционных культурах скотоводческих народов стремления к созданию избыточного страхового резерва скота на случай его вероятных массовых падежей в неблагоприятные годы.

Таким образом, наблюдаемое ныне истощение и опустынивание пастбищ в районах распространения традиционных или близких к ним типов номадного и подвижного скотоводства вызвано, наряду с общим ростом населения и поголовья скота, действием еще двух зачастую проявляющихся одновременно причин. Их объединяет принадлежность к традиционному компоненту культур скотоводческих народов. Та, что больше известна под малоудачным названием "экономической иррациональности", сформировалась, видимо, одновременно с зарождением скотоводства и в настоящее время исчезает в процессе трансформации традиционного хозяйственного уклада. Вторая, чаще всего выраженная понятием "трагедии общих ресурсов", возникла только на этапе разложения традиционного хозяйства и соответственно исчезнет лишь при сложении животноводства фермерского типа. Поэтому в исследованиях современного состояния и особенно при прогнозировании будущей ситуации с пастбищными ресурсами развивающихся стран необходимо учитывать эту двойственную природу

нерационального природопользования скотоводческих народов.

С методологической же точки зрения особый интерес представляет экологическая подоплека феномена "экономической иррациональности" традиционного скотоводства. Сказанное выше позволяет заключить, что, вероятно, главным критерием успешности этнокультурной адаптации к условиям природной среды служит все же сам факт длительного существования группы населения, являющейся носителем определенного культурного комплекса на освоенной ею территории. Сущность адаптивного поведения человека заключается в стремлении к выживанию и сохранению основных черт традиционной культуры в меняющихся вследствие природных и антропогенных изменений ландшафтов условиях географической среды.

Но это позволяет также по-новому взглянуть на некоторые из широко употребляемых терминов. По предложению С.А. Арутюнова (33) в нашей этнографической и этноэкологической литературе приемы и методы традиционного хозяйства, наносящие ущерб природной среде, стали называть экофобными, а предохраняющие от серьезных нарушений — экофильными. Оба понятия несут в себе однозначную ценностную информацию: экофобное — плохое, экофильное — хорошее. Однако точка зрения для выставления подобных оценок экологическим последствиям деятельности человека из традиционного общества выбрана, кажется, не вполне удачно. В данном случае был заимствован типичный для ряда биологов и физико-географов ограниченный естественнонаучный подход, когда во главу угла ставится и объявляется абсолютной ценностью сохранение природных экосистем (или ландшафтов) в их естественном состоянии, а деятельность человека оценивается по ее влиянию на выполнение этой задачи. Но ведь если довести такую мысль до логического конца, то придется признать, что наиболее экофильным был бы полный отказ от использования природных ресурсов на наибольшей территории.

Признание самостоятельной и многообразной ценности для человечества природных и малоизмененных ландшафтов — это особенность еще только формирующейся экологической культуры развитого постиндустриального общества, и потому

лишь в таких условиях имеет смысл говорить о реальной экофилии или экофобии, проявляющихся в действиях людей. На предшествовавших же этапах истории общество в своих взаимоотношениях с природой преследовало существенно иные цели, и эту принципиальную разницу желательно отразить в используемых этноэкологами терминах.

Видимо, в этнографических исследованиях вместо антитезы "экофильная/экофобная черта культурной традиции" предпочтительнее употреблять оппозицию "рациональный — нерациональный прием природопользования", что более точно передает экологические последствия хозяйственной деятельности в традиционном обществе. Многие (но, естественно, не все) нерациональные в определенный промежуток времени приемы природопользования в конечном итоге оказываются по сути своей адаптивными, а потому вряд ли целесообразно именовать их экофобными. Иначе говоря, если за точку отсчета при оценке степени "экологичности" человеческой деятельности взять сохранение соответствующей группы населения и ее культуры на освоенной территории, то, как показывает пример традиционного скотоводства, некоторые из периодически приводящих к нерациональному природопользованию приемов ведения хозяйства оказываются не только необходимыми, но и единственно возможными. Ведь именно они обуславливают длительное и относительно устойчивое функционирование соответствующей этноэкосистемы и в конечном счете сохранение всех составляющих ее компонентов.

Л и т е р а т у р а

1. Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М., 1985. С.246–248.
2. Герасимов И. П. Экологические проблемы в прошлой, настоящей и будущей географии мира. М., 1985. С.166–174, 221–226.
3. Исаков Ю. А., Казанская Н. С., Тишков А. А. Зональные закономерности динамики экосистем. М., 1986. С.61.
4. Одум Ю. Экология. М., 1986. Т.2. С.165, 168.
5. Круговорот вещества в природе и его изменение хозяйственной деятельностью человека. М., 1980. С.162.
6. Арманд Д. Л. Наука о ландшафте. М., 1975. С.219.

7. А р у т ю н о в С. А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестн. АН СССР. 1980. N 12. С.96; К о з л о в В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. N 1. С.4.
8. L a u g h l i n С. D., B r a d y I. A. Introduction // Extinction and survival in human populations. N. Y., 1978. P.7.
9. М и р о н о в Б. Н. Историк и социология. Л., 1984. С.129.
10. P a i n e R. Animals as capital // Anthropological Quarterly. 1971. Vol.44, N 3. P.164; H e l l a n d J. Five essays on the study of pastoralists and the development of pastoralism. Bergen, 1980. P.95.
11. S t i l e s D. Relevance of the past in projections about pastoral peoples // The future of pastoral peoples. Ottawa, 1981. P.370.
12. Д о р с т Ж. Влияние человека на природу // С м и т Р. Л. Наш дом планета Земля: Полемические очерки об экологии человека. М., 1982. С.129; М а к с и м о в А. Н. Скотоводство малокультурных народов // Учен. зап. Ин-та истории РАНИИОН. М., 1927. Т.2. С.7.
13. L i v i n g s t o n e I. Irrationality among pastoral peoples: Myth or reality? // Development and Change. 1977. Vol.8, N 2. P. 210-217.
14. A l l a n d A., M c C a y B. The concept of adaptation in biological and cultural evolution // Handbook of social and cultural anthropology. Chicago, 1973. P.172; B e n n e t t J. W. Ecosystemic effects of extensive agriculture // Annual Review of Anthropology. 1973. Vol.2. P.45.
15. Р а к и т н и к о в А. Н. Центральный Тянь-Шань и Иссык-Кульская котловина: Вопр. построения горного животноводческого хозяйства. М.;Л., 1936. С.95, 98.
16. B r a d b u r d D. Volatility of animal wealth among Southwest Asian pastoralists // Human Ecology. 1982. Vol.10. N 1. P.101.
17. К а л у г и н И. И. Проект (предварительный) мероприятий по улучшению животноводства Азербайджана. Баку, 1928. С.5.
18. Х о ц я т о в с к и й И. Обзор флоры окрестностей озера Гокча // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Т.27. С.31. (далее: СМОМПК).
19. В е р м и ш е в Х. А. О скотоводстве на Кавказе в связи с пастбищным вопросом // Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Тифлис, 1887. Т.1. С.92. (далее: МУКЛЗПИСК).

20. Г е е в с к и й В. Н. О состоянии скотоводства в верховьях рек Терека и Белой Арагвы // МУКЛЗПИСК. 1887. Т.1. С.261.
21. В е р м и ш е в Х. А. О скотоводстве... С.90-91.
22. Е р и ц о в А. Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1886. Т.2. С.138.
23. Р о с т о п ч и н Ф. В. Заметки о шахсеванах // Сов. этнография. 1933. N 3/4. С.104.
24. T a p p e r R. L. Pasture and politics: Economics, conflict and ritual among Shahsevan Nomads of Northwestern Iran. L., 1979. P.59.
25. Г е е в с к и й В. Н. О состоянии скотоводства... С.290.
26. Ф а р ф о р о в с к и й С. В. Ногайцы Ставропольской губернии // Зап. Кавказ. отд. Рус. Географ. об-ва. Тифлис, 1909. Кн.26, вып.7. С.9.
27. Ч у р с и н Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913. С.29.
28. К и р ш А. А. Очерки сыроваренных заводов на Северном Кавказе // МУКЛЗПИСК. 1887. Т.1. С.63; Ч и к о в а н и Т. Формы коллективного труда у двалетских осетин // Кавказский этнографический сб. Тбилиси, 1980. Т.5, вып.3. С.189; Ш а в е р д о в С. "Тамазлук", или Обычай взаимного вспомоществования домашним скотом // СМОМПК. 1889. Т.7. С.64.
29. M a r x E. Ecology and politics of Nomadic pastoralists in the Middle East // The Nomadic alternative. The Hague, 1978. P.67.
30. A s c h m a n n H. Comments on the symposium "Man, culture and animals" // Man, culture and animals. Wash., 1965. P. 266-268; C a m p b e l l D. J. Response to drought among farmers and herders in Southern Kajiado district, Kenya // Human Ecology. 1984. Vol.12, N 1. P.43-44.
31. О д у м Ю. Экология. Т.1. С.146.
32. H a r d i n G. The Tragedy of the Commons // Science. 1968. Vol.162, N 3859. P.1244.
33. А р у т ю н о в С. А. Культурологические исследования... С.96.